

18+

ДАНИЯР БАЙДАРАЛИН

**БОЛЬШОЙ ПЕРЕПОЛОХ
В ШЫН-ЖАНЕ**

Данияр Байдаралин

Большой переполюх в Шын-Жане

«Издательские решения»

Байдаралин Д.

Большой переполох в Шын-Жане / Д. Байдаралин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987338-5

Книга написана в жанре псевдоисторической повести. Все места, персонажи и события в повести вымышлены, но тем не менее почти все в этой книге — правда. Действие происходит в восточной Евразии, на границе между кочевой и оседлой цивилизациями. Главные герои — боевой генерал и дочь императора — носители культуры обоих миров. Внезапное предательское вторжение вероломных врагов бросает их в пучину необычных и опасных приключений. События развиваются как в оседлых странах, так и в Великой Степи.

ISBN 978-5-44-987338-5

© Байдаралин Д.
© Издательские решения

Содержание

Карта Шын-Жана и Великой Степи	8
Часть Первая – Бешенный бык нападает на спящего дракона	9
В устье ручья течет вода	9
Зерно раздора в почве разложения	27
Гнилая ягода в нефритовой чаше	32
Побег винограда вьется наружу	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Большой переполох в Шын-Жане

Данияр Байдаралин

© Данияр Байдаралин, 2020

ISBN 978-5-4498-7338-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Карта Шын-Жана и Великой Степи

Часть Первая – Бешенный бык нападает на спящего дракона

В устье ручья течет вода

Генерал Ли Лианжи, командующий Северным военным округом Империи Шын-Жан, въехал на своем коне в сопровождении двух нукеров в столицу Империи, древний город Кашкар. Это был его ежегодный месячный отпуск со службы, время навестить жену и детей. Как всегда после долгого пребывания в просторной Степи, он был слегка ошарашен шумом и многолюдностью огромного города.

Кругом сновали представители разных народов Империи и соседних стран. Из подданных Императора здесь были хотаны, тохары, Турпанцы, тегреги, и многие другие. Из соседних стран тут были купцы и торговцы кушаны, ханыцы, персы и хиндустанцы. В толпе выделялись и степные кочевники с севера: сяньби, жужане, дулу, и даже дикие хунну.

Кочевники сразу опытным взглядом замечали, что Ли Лианжи и его соратники едут не на шын-жанских, а на настоящих степных конях – полудиких, выросших на живых травах, и не знавших стен, выносливых и неприхотливых, как и сами кочевники. По сравнению с ними шын-жанские кони, выкормленные на сене и выстоянные в стойлах, казались более нежными.

Как обычно, был базарный день, поэтому в город через ворота в городской стене тянулись бесконечные караваны товаров из других городов Империи и чужих стран. Со всех сторон раздавались голоса тысяч людей, говорящих на разных языках. Острый слух Генерала выхватывал из толпы знакомые слова языков степных жужаней и дулу.

К тому же, как объяснили Генералу охранники у ворот, в тот день ожидался приезд в город делегации во главе с Канишьяа Кадфизом, владыкой Кушанского Царства, вассала Шын-Жан. Ли Лианжи проследовал во дворец, где доложил о своем прибытии Императору. Он надеялся, что у него будет время сменить запыленные его словами приветствия:

– Аа, наш подданный дулу! Добро пожаловать в столицу! Как там наши северные границы?

Мать Генерала Ли была дулу¹, а отец потомственным шинзаныцем из древнего рода военных. Несмотря на это, столичные знакомые всегда называли Ли Лианжи «Дулу» и «Кочевником». В детстве Лианжи отчаянно дрался, если его так называли сверстники, но со временем он стал ценить и даже гордиться этим прозвищем.

Это и повлияло на его карьеру – будучи еще молодым новобранцем, он был направлен служить в Северный военный округ, охранять империю от кочевников. Начальство рассудило, что его знание степных языков и обычаев, которым его научила мать, помогут ему более эффективно нести службу во имя Империи. Так оно и получилось: Ли Лианжи знал степняков, и понимал как их сдерживать, благодаря чему в тридцать лет стал генералом, и при нем север был спокоен.

Император приказал Ли Лианжи оставаться в дворце и присутствовать на приеме кушанского царя. Пришлось докладывать ему о ситуации на севере прямо в зале, не снимая доспехов. Рядом с Императором находились Начальник Императорской охраны, визири и советники, а также офицеры разных рангов. Лианжи рассказывал, а Император и присутствующие с интересом слушали, особенно смакую кровавые подробности битв:

– Мой высочайший господин, Владыка Поднебесной, наш отец и повелитель! Отвечаю на ваш вопрос: на севере в общем обстановка остается спокойной. Было несколько небольших схваток между дулу и жужанями, обе стороны отогнали друг у друга скот и забрали в плен людей. Несколько месяцев назад в пределах приграничной полосы появилась небольшая шайка хунну, отбившаяся от своего племени, и промышленная грабежами на территориях дулу и жужаней. С помощью конницы дружественных родов дулу мы их загнали в пески и окружили. После чего предложили сдаться и предстать перед справедливейшим судом Императора. Но дикари отказались, и мы расстреляли их из луков, как диких животных. После этого храбрые воины императорского гарнизона, как ястребы, храбро устремились на оставшихся в живых варваров, и подняли их на копья. Затем наши доблестные воины отрезали их головы, и нанизали их на ветви ближайших саксаулов², в память о великой победе.

---

¹ Тюркоязычное кочевое племя

² Приземистое степное дерево с очень твердой древесиной.

Ли Лианжи продолжал в таком духе еще некоторое время. Наконец, доклад был окончен, придворные одобрительно покивали головами, и Генерал мог немного расслабиться. Отдельно жадным взглядом Генерал охватил Кидару, Дочь Императора. Красавица и умница, она была давней страстью Ли Лианжи. Ее смуглая кожа, скулы и узкие глаза выгодно отличали ее в гла-

зах Ли Лианжи от остальных шын-жанских красавиц – ведь она была дочерью Императора от жужанской³ принцессы, значит, в ее жилах текла кровь степнячки, так же, как и самого Ли.

*****

Помимо сходства в происхождении, Кидару и Ли связывала и общая история. Когда Ли Лианжи был еще совсем молодым воином в первый год службы на Севере, однажды весной в крепость Дихуа⁴, в которой служил Ли, приехала богатая процессия из Кашкара. Оказывается, это была жужанская супруга Императора, которая приехала, чтобы повстречаться со своими родственниками в Степи. С нею была и ее дочь, совсем юная еще тогда Кидара.

Уже тогда будущего Генерала поразила ее красота, хотя Кидара еще была совсем девочкой, и была на несколько лет младше его. К его счастью, он оказался в составе отряда, который командир гарнизона выделил для сопровождения императорской жены в Степи. Так он впервые оказался надолго в степи, и имел возможность познакомиться поближе с дочерью императора.

Как только процессия вступила в пределы Степи, императрица вдруг переменялась в себе. Выйдя из повозки, она потребовала коня, и, к удивлению легко вскочив на него по-степному, она большую часть пути провела в седле. Уже немолодая женщина, она была сильной и гибкой верхом на коне, и заметно радовалась воле, улыбаясь сама себе. Иногда она начинала петь песни на жужанском, и от их звуков в душе Ли Лианжи оживали силы, о существовании которых он не подозревал.

Одновременно и Кидара, и Ли Лианжи также ощутили непонятное волнение и радость – в отличие от остальных шын-жанцев, которые относились к данной поездке как к тяжелой и опасной повинности. Но у Кидары и Ли Лианжи разыгралась их степняцкая кровь, и они чувствовали, как от степного воздуха крепнут их тела, и как ароматы степных трав будоражат души и разгоняют кровь в теле.

Не имея сил противиться своему влечению к юной дочери Императора, молодой Ли Лианжи всячески старался угодить жене императора и ее дочери. Юная Кидара была польщена его вниманием, по-видимому, ей доставляло удовольствие впервые ощущать себя женщиной. Узнав, что молодой воин наполовину степняк, мать Кидары не противилась его стараниям. По-видимому, ей это было даже приятно. Как-то улучив момент, когда они были втроем, она сказала им:

– Мы ступаем по земле наших предков. Пусть вы наполовину шын-жанцы, но в вас течет и степняцкая кровь, которая сильнее и могучее. Вы никогда не будете такими же, как остальные шын-жанцы. Пусть это знание будет вашим общим секретом.

Потом она погрузнела, и добавила:

– Когда-то у меня здесь была жизнь. Здесь я выросла, играла с друзьями, нянчилась с агнятами, здесь я впервые села на коня и научилась стрелять из лука. Здесь я...

---

³ Монголоязычное кочевое племя.

⁴ Город на севере Шинжана, будущий город Урумчи.

Слезы навернулись на ее лицо, ее взгляд был направлен как будто в прошлое. Она так и не закончила начатую фразу. Потом она посмотрела на Кидару и улыбнулась:

– Вы еще слишком молоды, чтобы все понять. Зато у меня есть дочь, в которой соединилось все самое лучшее, что может дать Степь и Империя.

С того момента и началась дружба воина и дочери императора. Всю дорогу они старались держаться вместе. Кидара крепко сидела в седле, у нее была врожденная посадка. Поэтому Ли Лианжи мог смело учить ее разным кавалерийским трюкам, не опасаясь, что она вывалиться из седла. Они кругами носились вокруг своего каравана, только успевая менять уставших лошадей.

Вскоре они достигли кочевий племени, из которого вышла жена Императора. Их встречали как дорогих гостей, ставили для жены Императора и ее дочери большой белый гер⁵. Со всех сторон приезжали выразить свое почтение госпоже Эрдэнэчмек родственники и друзья, одевшись по поводу ее приезда в самые лучшие свои одежды. В их честь забивали скот, и готовили еду, привозили в кожаных мешках пенистые кымыз и шубат.

Поначалу простая пища степняков показалась Ли Лианжи и Кидаре, выросшим в Шын-Жане, грубой и сильно-пахнущей, а от кисломолочных напитков сводило скулы. Зато жена Императора, казалось, наслаждалась едой, и посмеивалась, глядя на молодых. Она говорила своим родственникам: «Через неделю их от этой еды за уши не оттянешь!» – на что те отвечали дружным смехом.

Но жена Императора ошиблась. Поголодав как следует, и наработав аппетит на свежем воздухе, Ли Лианжи и Кидара набросились на еду уже в тот же день, а еще через пару дней настолько полюбили жужанскую кухню, что не пропускали не одного застолья. Любуясь на молодых, жужане с гордостью шутили между собой: «степная кровь свое возьмет!». С тех пор их обоих стали называть «степными корешками».

⁵ Монгольский вариант юрты.

Потом были игры «четыре соревнования», состоявшие из скачек, борьбы на ногах, борьбы верхом на коне, и стрельбы из лука на скаку. Шын-жанские воины сразу благоразумно отказались участвовать в них. Но Ли Лианжи решил попробовать себя. В своем гарнизоне он считался ловким наездником и метким стрелком из лука, поэтому ему не терпелось показать свое искусство на людях.

Однако ему очень быстро дали знать, что в игры кочевников могут играть только настоящие степные мужчины. После того, как он был позорно побит в каждом соревновании, он понял почему жужане являются столь опасными соседями. Казалось, что их тела были отлиты из железа, а их скорость, зрение и реакция были как и диких зверей. Даже женщины жужанки, которые участвовали и в скачках, и в стрельбе из лука, были сильнее в этих искусствах, чем Ли Лианжи или другие воины из гарнизона.

Но Ли решил не переживать из-за своего унижения. Он твердо решил научиться боевым искусствам кочевников, чего бы это не стоило. К счастью для него, сверстники-кочевники уже знали о его происхождении, и поэтому к нему относились по особенному, как к братишке. Они охотно учили его приемам борьбы и стрельбе из лука, а также умению ездить на коне, как жужань. К концу визита Ли Лианжи чувствовал себя уже намного увереннее.

Однако вскоре нужно было отправляться в обратный путь. К этому времени в душу Ли Лианжи закралась печаль. Ему не хотелось покидать свободных степняков, которые, казалось, жили как хотели, и возвращаться в казарму гарнизона, с ее режимом, дисциплиной, и каждодневными тренировками под командованием офицеров. Ему хотелось учиться воинскому искусству так же, как кочевники – через игры и соревнования со сверстниками.

Но еще больше его печалило то, что он вскоре должен был расстаться с юной Кидарой. Незаметно для себя, из простого влечения к симпатичной девочке его чувства выросли во что-то большее, с чем он еще никогда не сталкивался. Он хотел быть рядом с нею постоянно, слышать ее голос и смех, чувствовать нежный запах ее кожи. Но он знал, что скоро этому придет конец и они расстанутся надолго, а возможно и навсегда.

Поэтому на обратном пути ехали уже не так радостно, и в основном молчали, лишь поглядывая друг на друга украдкой. Печальна была и госпожа Эрдэнэчмек, по-видимому, ей тоже было грустно покидать просторы родной степи, и возвращаться в дворцовые интриги.

Наконец, они достигли крепости. Он надеялся, что они погостят у них еще несколько дней. Но настроение жены Императора резко изменилось. Теперь она вновь стала холодной, далекой и надменной дамой, и перестала замечать Лианжи. Видимо, ей не терпелось вернуться в Кашкар. Поэтому едва отдохнув после длинного перехода по степи, она приказала своему каравану выступать наутро.

В ту ночь Ли не спал, все время думая только о Кидаре. Наконец, в полночь он не выдержал и в отчаянии сел в постели. Потом поспешно оделся и незаметно, но решительно вышел из казармы. После этого он пробрался в комнату Кидары через окно. Она тоже не спала, и не испугалась его появлению. Похоже, она даже ждала его. Он сел рядом с ее кроватью, но она сама притянула его к себе и обняла.

В тот момент Ли почувствовал себя настолько счастливым, что на момент забыл о предстоящем расставании. Он мечтал в этот момент, чтобы Кидара была его сестрой, и чтобы они всегда были рядом. Еще никогда у него не было такого близкого друга, хоть она и была девочкой.

Так, в обнимку, они и проговорили до самого раннего утра. Незадолго до первых петухов Ли Лианжи начал прощаться. Кидара не хотела его отпускать, слезы текли по ее, еще по-детски пухлым щекам. Боясь расплакаться тоже, Ли Лианжи начал ее уговаривать отпустить его, стараясь ее рассмешить:

– Госпожа, отпусти меня! Мне надо вернуться на свое место до побудки, иначе мне не избежать палок. Мне и так скорее всего достанется от сослуживцев за то, что я все время

проводил возле тебя. Ведь ты не захочешь, чтобы меня наказали палками офицеры, а потом еще и побили в казарме солдаты?

На что дочь Императора, наконец слегка развеселившись, отвечала:

– Ты столько жира наел на степных просторах, что тебя никакая шын-жанская палка не прошибет.

И он готов был ее расцеловать за ее улыбку. Так они и прощались, шутя. Под самый конец, Кидара сказала ему:

– Ты стал мне настоящим другом и братом. Поэтому я хочу, чтобы ты знал мое жужаньское имя, которое мама дала мне отдельно от моего шын-жанского имени. Для тебя, и только для тебя, меня зовут Жалма.

От пронзительности этого момента Ли Лианжи одновременно хотелось и плакать и смеяться от радости. Подавив волнение и дрожь, он ответил:

– Ты тоже стала для меня сестрой и другом. И я тоже хочу, чтобы ты знала мое имя на родном языке дулу. Только для тебя меня зовут Дулат.

Они обнялись еще раз напоследок. Ли Лианжи было приятно прижимать к себе ее маленькое тело, Кидара же наоборот, чувствовала себя безопасно в объятиях его сильных рук. Обоим не хотелось расставаться, но Ли нужно было бежать в казарму. Он нехотя оторвал свои руки от девочки, и бесшумно выскользнул в окно.

Наутро караван императорской жены выехал из гарнизона, и запыхал в сторону Кашкара. Ли успел перехватить взгляд Кидары на прощание. По ее милому лицу катились слезы, но она все равно ему улыбалась. У обоих внутри сжималось сердце.

*****

Сразу после поездки в Степь Ли некоторое время опасался, что сослуживцы отомстят ему за ту милость, которой он пользовался со стороны императорской жены и ее дочери. Но, к его удивлению, никто его не тронул. Даже наоборот, вскоре он заметил, что начальство ему благоволит и всячески его поддерживает. Позже он узнал, почему. Пока же он просто посчитал это своей удачей.

Прошло целых два года после первой встречи Ли Лианжи и Кидары. За это время Ли стал настоящим воином, причем одним из лучших в гарнизоне. Большинство солдат относились к службе лишь как к работе, и не могли дождаться окончания ежедневных тренировок, и считали дни до отпуска. Но только не Ли Лианжи. Едва закончив стандартные упражнения и построения на плацу, он тут же продолжал заниматься самостоятельно.

В его памяти были свежи воспоминания о мужчинах жужаней, каждый из которых был прирожденным воином. Понимая, что однажды ему, возможно, придется встретиться с ними в бою, он старался получше себя подготовить. В этом ему помогли те уроки четырех видов боевых искусств, которые он успел получить во время пребывания у степной родни Кидары.

Вскоре у него уже стало получаться хорошо скакать на коне и стрелять из лука. Специально для него руководство выделило степняцкого коня и степной же лук. И тот, и другой были намного сильнее и мощнее стандартных коней и луков, которыми Империя вооружала своих воинов. Поэтому, научившись скакать на диком коне, и овладев умением стрелять из тугого жужанского лука, Ли Лианжи стал намного более сильным воином, чем большинство его сослуживцев.

Гораздо сложнее было научиться степной борьбе на ногах и борьбе верхом на коне. Ведь для этого нужны были другие ученики, с которыми можно было отрабатывать приемы, а их в гарнизоне просто не было. Но эта проблема решилась неожиданно сама собой.

Оказывается, среди молодых солдат гарнизона были и другие ребята, которым тоже было скучно просто нести свою службу, и каждый день отрабатывать одни и те же приемы и постро-

ения. Со временем они стали с интересом наблюдать за самостоятельными занятиями Ли Лианжи. У него уже собрался своеобразный клуб поклонников, которые часто стояли неподалеку и смотрели, как он занимается.

Однажды один из ребят по имени Конг Санг подошел к нему и попросился пострелять из лука. Конг сам был родом из приграничных районов Шын-Жана и Степи, и по его скуластому лицу, смуглой коже, и крепкой фигуре можно было догадаться, что в его родословной явно присутствовала кровь кочевых соседей. Ли показал ему как пользоваться луком и стрелами, и вскоре тот уже смог стрелять и попадать в щит с двадцати шагов.

Постепенно к двоим присоединились и другие парни. Большинство ходили на занятия и потеряли интерес, но некоторые оставались и ходили каждый день. Однажды ему пришло в голову, что если он обучит их тем приемам, что он успел выучить у жужаней, то он сможет с ними тренироваться в борьбе. Так он и сделал, и вскоре они занимались уже по трем видам боевых искусств из четырех.

Так у Ли Лианжи стали появляться первые последователи. Начальство знало об этих занятиях, но, как ни странно, не противилось им, а наоборот поощряло Ли Лианжи и его последователей. Вскоре Ли Лианжи назначили десятником, а под командование ему дали тех парней, с которыми он занимался, включая и Конг Санга.

Конечно, это делалось не просто так, но об истинных причинах такого необычного благоволения знали лишь начальник гарнизона, и один из офицеров, о должности и функциях которого в крепости мало кто знал.

Однако с тех пор Ли Лианжи все чаще стали посылать с заданиями в Степь. Конечно, обычно никто не удалялся в степи так далеко, как это было во время визита жены Императора. Но в то же время всегда находился повод выехать туда: распросить о причинах движения у больших караванов, или кочевков степняков, либо уладить какие-либо приграничные споры. Иногда же Ли просто отправляли патрулировать окрестности.

И здесь пригодились и происхождение Ли Лианжи от степнячки, и его знания, полученные во время поездки в Степь. Крепость Дихуа располагалась на самой северной точке шынжанской Империи. К Западу от Дихуа были владения племен дулу, к востоку кочевали жужане.

Конечно, это было условное деление. Ведь у кочевников не было границ, территорий, или постоянных государств. Иногда они нападали друг на друга, и отбирали себе пастбища. Иногда целые рода отделялись от своего племени, и переходили к соседям. Вообще вся жизнь степняков проходила в постоянном движении. Они четыре раза в год меняли пастбища. И так же легко переходили от одного степного правителя к другому.

*****

Ранней весной, почти ровно через два года после памятного визита императорской жены, Конг Санг сообщил Ли Лианжи новость, от которой у того перехватило дыхание, а в груди быстро забилося сердце. Оказывается, вскоре намечался приезд госпожи Эрдэнэчмек! Она вновь захотела посетить свою родню, видимо с возрастом все сильнее росла в ней печаль по земле своей молодости.

Теперь Ли Лианжи лишился покоя. С одной стороны новость вселяла надежду снова увидеть Кидаду, о которой он думал все время, каждый день. С другой стороны, он боялся, что жена Императора приедет в этот раз одна. К сожалению, он не мог узнать этого заранее. Чтобы как-то отвлечься, он стал заниматься еще более страстно, стараясь довести себя до усталости каждый день, чтобы не мучаться бессонными ночами.

Но вот наконец пришел долгожданный день, когда ожидали караван госпожи Эрдэнэчмек. Ли Лианжи весь день смотрел в сторону Кашкара, боясь пропустить его появление. Наконец, после обеда он увидел дымку на горизонте. В течение следующих нескольких часов он

мучительно наблюдал, как медленно ползет в их сторону караван. Вот он уже мог разглядеть повозку госпожи.

Наконец на закате солнца процессия достигла гарнизона. Ли Лианжи со своими воинами с разрешения своего командира отправился им навстречу, чтобы последние несколько сот атымов⁶ проводить караван в почете. Но у Ли, конечно, был и свой интерес встретить госпожу. Ведь он до сих пор не знал, приехала ли она одна или с дочерью.

Но вот у повозки отдернулась занавеска, и Ли увидел обеих женщин внутри. Внутри у него как будто моментально растаял ледяной валун, который давил на сердце в последние недели. Кидара была уже здесь! Он тут же испугался вновь – а вдруг она забыла?

С трудом соблюдая приличия, он почтительно поздоровался с женой Императора, после чего перевел взгляд на Кидару. И остолбенел. Ведь два года назад он помнил ее еще совсем девочкой, а теперь перед ним сидела настоящая девушка! Шелковые одежды обтягивали выросшие груди и подчеркивали ставшими плавными изгибы ее бедер. На красивом лице с жужанскими скулами смело сверкали живые глаза. Они ему улыбались – все-таки узнала!

По-видимому, от приятной неожиданности у Ли Лианжи был довольно глупый вид, к тому же молчание уже начинало затягиваться. Поэтому госпожа Эрдэнэчмек сказала, чтобы прервать неудобную паузу:

– Наш Дулат вроде вырос и стал настоящим мужчиной! Но при этом ведет себя как мальчик, впервые увидевший женщину!

Жена Императора снисходительно улыбнулась, а Кидара прыснула от смеха, но выражение ее лица было довольным. Только Ли Лианжи совсем смутился и густо покраснел, чувствуя как мгновенно запыхлала его уши и щеки. Но быстро спохватился, и ответил с улыбкой:

– Живя на границе с Дикой Степью, мы не каждый день встречаем двух самых красивых женщин Шын-Жана!

Госпожа Эрдэнэчмек кивнула головой, показывая, что она оценила как Ли выкрутился из своего замешательства. А Кидара полоснула его своим новым, женственным взглядом, от которого в животе у Ли как будто бы разлился кипяток из чайника. И с тех пор в нем зародилось новое чувство к Кидаре, которое больше не покидало его никогда.

*****

Караван жены Императора должен был пробыть в крепости несколько дней, чтобы все отдохнули перед поездкой в степи. На следующий день после приезда, Ли Лианжи вдруг вызвал к себе в командирскую комнату Начальник гарнизона. Внутри был еще тот замытый офицер, о котором мало кто что знал. Он сидел молча, лишь изучая Ли своими узкими глазами.

Начальник гарнизона хлопнул большой ладонью по столу, и сказал Ли Лианжи:

– Ли Лианжи! Я вызвал тебя сегодня, потому что я хочу поручить тебе особое задание. Во-первых, я повышаю тебя до звания сотника. У тебя теперь будет своя сотня солдат. Во-вторых, тебе поручается сопровождение и охрана каравана госпожи Эрдэнэчмек.

От неожиданности Ли не знал что сказать. Помимо внезапно охвативших его чувства гордости и ответственности, и страха вперемежку с восторгом, он также ощутил огромную радость от того, что сможет провести время с Кидарой. Но он справился с собой и ответил:

– Любой приказ моего господина это честь для меня! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы оправдать ваше доверие.

Ли Лианжи поклонился Начальнику, после чего распрямылся и посмотрел на его лицо. Но у Начальника был такой вид, как будто он еще не все сказал. Так и оказалось. Чуть помедлив, пожилой воин продолжил:

---

⁶ Шаг

– Это еще не все, Лианжи. У тебя также будет еще одно, тайное задание.

С этими словами он повернулся к молчавшему до этого загадочному офицеру, и сказал:

– Ты, наверное, заметил, что рядом со мной сидит этот господин. Никто кроме меня и нескольких человек в гарнизоне не знает, в чем заключается его должность и чем он здесь занимается. Сегодня и ты это узнаешь. Тебе не нужно знать его настоящее имя, но этот господин – Офицер императорской разведки в нашем гарнизоне.

Ли Лианжи повернул лицо к разведчику, и поклонился. Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что это очень важно для него, поэтому слушал очень внимательно. В это время молчавший до сих пор человека заговорил:

– В мои задачи входит разведка, как ты наверное уже понял. В каждом гарнизоне есть наши люди. Наша работа – следить за нашими степными соседями, и стараться угадать их планы. И если они запланируют напасть на Империю, мы должны быть готовы к этому заранее.

Он еще немного рассказал о своей работе. Оказывается, задачей гарнизона крепости Дихуа было не только защищать земли Империи от набегов кочевников. Ли Лианжи уже и сам понял, что если бы те смогли собрать большую армию, никакая крепость с гарнизоном не смогла бы задержать их нашествие. Они бы просто обошли ее и напали бы на внутренние земли Империи, и никакая сила не смогла бы остановить их быструю конницу.

Поэтому, помимо своего военного предназначения, Дихуа служила также и целям разведки и шпионажа. Основной целью было не допустить объединения дулу с жужанями, поскольку такой союз мог оказаться губительным для Империи. Для этого Император использовал разведчиков и дипломатию, вступая в переговоры с обоими племенами и стараясь постоянно их сглаживать, чтобы они в бесконечных войнах истощали друг друга.

«Многие не знают, но только благодаря таким усилиям нам сотни лет удается сдерживать кочевников», – говорил Начальник разведки, – «ведь если бы кочевники объединились и напали на Шын-Жан, никакая армия не стала бы препятствием на их пути».

Он рассказал о том, что раньше степнякам несколько раз удавалось это сделать, и они в прах повергали древние царства, существовавшие на землях Шын-Жана. Но с возникновением и ростом Империи Шын-Жан судьба миловала их, и крупного нашествия удавалось избежать. Однако, памятуя историю прежних царств, никогда не стоило расслабляться.

Убедившись, что Ли Лианжи понял его слова, Начальник разведки сказал, глядя ему в глаза:

– Ты очень особенный человек, Лианжи. Я знаю, что ты наполовину дулу, и что твоя мать обучила тебя их языку. По внешности ты похож на них. Я также знаю, что ты начал учить язык жужаней, когда ты ездил к ним с женой Императора два года назад. Поэтому ты очень хорошо подходишь для разведки.

При этих словах Ли насторожился. Вдруг его снимут с должности офицера армии, и заставят мотаться по степи? Он ведь всегда мечтал быть именно военным, но его судьба в руках его командиров. Он спросил:

– Значит, меня уволят из армии?

Но Начальник разведки ответил:

– Нет, никто тебя не уволит. Наоборот, твоя должность – это хорошее прикрытие. Ты будешь продолжать служить в своей должности и отвечать Начальнику гарнизона. Но ты также будешь отвечать и передо мной, и выполнять мои поручения. За это ты в старости будешь получать двойную пенсию.

Ли Лианжи перевел дух. Особенно его порадовало упоминание о двойной пенсии. Конечно, это было еще далеко, и до нее нужно было еще дожить. Но в любом случае это обнадеживало. Кроме того, он теперь будет не обычным военным, а наполовину разведчиком. Это наполнило его осознанием новой важности своей работы.

Они поговорили еще немного. И военные, и разведчик были немногословны, и разговор был коротким. В конце концов Ли Лианжи также с благодарностью принял задание от разведчика. В ответ тот сказал:

– Твоя служба в разведке начинается с этой поездки. Ты будешь моими глазами и ушами среди жужаней. Учи их язык, слушай их разговоры. Ты уже начал учить их боевое искусство – молодец. Теперь старайся узнать, сколько у них воинов, лошадей, овец. Вся эту информацию ты потом доложишь мне. А теперь иди.

Выйдя от офицеров, Ли Лианжи поднялся на крепостную стену, чтобы побыть одному и осмыслить то, что только-что произошло с ним. Он посмотрел на север. Там раскинулась бесконечная, необъятная и непознаваемая степь, страна дулу и жужаней. А ведь за ними есть и другие кочевые народы, о которых никто не знает. В той стороне краски были блеклыми, несмотря на весну, и поражали своей суровой и безлюдной красотой.

Потом Ли повернулся на юг. С той стороны виднелись рощи, леса, поля, и одинокая деревня. И чем дальше его взгляд скользил на юг, тем зеленее и приятнее для глаза становились земли, тем больше было поселений. Не видные отсюда, там же были и города: Турпан, Кашкар, и многие другие. В них кипела жизнь и торговля, процветали науки и искусства.

И вот Ли Лианжи стоит здесь, между двумя великими мирами. И он должен защищать тех, кто на юге, от тех, кто на севере. В его руках, и в руках его сослуживцев безопасность и благополучие шын-жанцев. Ему вдруг показалось, что он легендарный герой, который с кучкой других героев противостоит ордам врагов. От этих больших мыслей закружилась голова.

*****

Вторая поездка в степь была еще интереснее, чем первая. Все казалось еще более насыщенным, ярким и пронзительным для Ли Лианжи. Рядом была изменившаяся, но в то же время столь знакомая Кидара. Ее соблазнительные формы, ее манящий взгляд будоражили мысли и чувства Ли. Иногда, находясь рядом с нею, он чувствовал запах ее тела, и это возбуждало его.

На этот раз Ли и Кидара не скакали, как резвящиеся олени, а степенно ехали рядом с повозкой. Ли ощущал себя уже взрослым мужчиной, ведь он был не много и не мало уже сотником. А Кидара казалась ему иногда уже совершенно взрослой, с ее глубоким и в то же время властным взглядом. И лишь когда она, забывшись, начинала смеяться над его шутками, она казалась прежней девочкой.

Днем Ли Лианжи наслаждался ее обществом и украдкой любовался ею, а по ночам, лежа в палатке он представлял ее в своих объятьях и мысленно целовал ее в губы и лицо, шею. От этого, и от дурманящих весенних степных запахов, он долго не мог заснуть. Он бы не променял эту дорогу ни на что другое.

Но вот они достигли аулов рода госпожи Эрдэнэчмек, где у Ли появился шанс проверить свои успехи в боевых искусствах. Как и в прошлый раз, в честь госпожи Эрдэнэчмек были устроены игры. На этот раз Лианжи уже мог себя показать, и не выглядел столь беспомощным. В борьбе он сумел войти в двадцатку самых лучших, а в стрельбе из лука в десятку. В скачках ему удалось доехать до конца гонок в основной толпе всадников.

Но вот в борьбе верхом на коне ему не повезло. Как он ни старался, но сидеть в седле так же прочно как жужане, он не мог. Их скорость, сила, резкость и реакция все еще оставались недостижимыми. Даже противники намного легче и моложе его держались на коне так отчаянно, что он никак не мог сбросить их на землю. А когда ему попались его ровестники, он несколько раз повалился в пыли. Но Ли Лианжи разумно рассудил, что из четырех искусство он овладел тремя, что было совсем не так уж плохо.

Ну и конечно, Ли Лианжи не забывал о своем тайном задании. В этот раз он был весь глаза и уши, и старался понять и запомнить все, что происходило кругом. В этом ему помо-

гал статус спутника госпожи Эрдэнэчмек и Жалмы-Кидары, ведь кочевники воспринимали его почти как своего. Он особенно старался учить новые слова жужанского языка, которые отличался и от шын-жанского, и от языка дулу. К концу поездки он уже мог говорить простые предложения.

Их визит прошел быстро, и пришло время возвращаться. На обратной дороге беспокойство и тоска от предстоящей разлуки вновь охватили Ли Лианжи. Он уже научился добиваться своего, и в этот раз ему было намного труднее заставлять себя думать о том, что его отношения с Кидарой невозможны.

Конечно, разум Лианжи говорил о том, что они из разных миров, и что он не должен мечтать о ней. Но его тело стремилось к ней, и душа хотела быть с нею рядом. Кроме того, его посещали обнадеживающие мысли о том, что их объединяет то, что они оба полукровки, со степняцкой кровью в жилах.

Однажды ночью, во время очередной ночевки после дневного перехода, Кидара стала жаловаться матери, что ей душно спать в повозке. Конечно, ночи были уже теплее, но все же было еще прохладно, поэтому мать сперва не могла понять, почему ее дочь вдруг заупрямилась. Она думала об этом весь следующий день.

Когда на следующую ночь дочь опять начала капризничать, жена Императора сказала ей, внимательно наблюдая за ее реакцией:

– Дорогая, может нам тебе поставить палатку? Ты смогла бы тогда спать на свежем воздухе.

После недолгих уговоров Кидара согласилась. Мать притянула ее к себе, и обняла ее. Потом Кидара прилегла на ногах Эрдэнэчмек, и мать гладила ее волосы, пока та не заснула. Поэтому Кидара не видела понимающей улыбки матери. Но мать улыбалась не только невинной хитрости своей дочери. Она улыбалась своим мыслям, и своим воспоминаниям. Ведь весенний степной ветер заставляет кипеть кровь как у молодых, так и у старых.

На следующий вечер жена Императора распорядилась поставить отдельную палатку для Кидары. Все отнеслись к этому как к очередной прихоти императорских дам. Но у Ли Лианжи были другие мысли. Ему стало казаться, что может быть, Кидара захотела спать отдельно не зря. К тому же, перед тем, как отойти ко сну, она посмотрела на него каким-то особенно долгим взглядом, от которого у него по коже прошли мурашки.

Той ночью Ли не мог уснуть. Ему навязчиво казалось, что Кидара поставила тент для их двоих. Его так и подмывало пойти и проверить ее. Ему даже казалось, что ее голос зовет его. Не смея верить самому себе, Лианжи тщетно старался отогнать это наваждение. Но оно не уходило.

В конце концов Ли Лианжи не выдержал и сел в своей походной постели. Рядом с ним крепко спали воины. Он подполз к отвороту тента и выглянул наружу. На некотором расстоянии от лагеря виднелась цепочка огней – там стояли караульные, охраняющие сон спящих. Ли быстро накинул свой халат и бесшумно выскользнул наружу.

Он надеялся пройтись и развеяться, чтобы потом суметь заснуть. Но вместо этого ноги привели его к палатке Кидары. Неподалеку перед палаткой сидели у костра два караульных. «Если бы подобраться к палатке сзади, в тени...» – вдруг подумал Ли, и тут же устыдился своих мыслей. Но тут же он как будто опять услышал голос Кидары:

– Дулат, где ты?

И вот он уже стоит в тени палатки, и его пальцы осторожно отодвигают полог. Вот он видит маленький ночной маслянный светильник, тускло освещающий пространство палатки. В его свете он увидел меховые одеяла, и среди них – Ли перестал дышать – лежала Кидара! Он видел плавное очертание ее бедра под мехом, и ее обнаженное плечо и ногу. Она спала раздетой!

Завороженный этой картиной, Лианжи некоторое время не мог пошевелиться. Потом вдруг ощутил прилив решительности, и он пролез в палатку дочери Императора. В голове была только одна мысль – ради этого не жалко и умереть. Он тихо прокрался ближе к лежащей девушке. Он уже мог слышать ее дыхание, и как от него поднимается и опускается меховое одеяло. Сочетание меха и обнаженных частей тела – Ли еще никогда не видел ничего столь красивого.

Вдруг она повернулась к нему во сне. Ли замер – сейчас она закричит. Вдруг он заметил, что ее глаза не закрыты, а лишь прищурены, и что она на самом деле она смотрит на него непонятым взглядом черных глаз. Значит она не спала! Раз она не кричит, значит, она ждала его. Теперь он уже смелее приблизился к ней. Жалма сказала с легкой насмешкой в голосе:

– Наконец-то ты пришел. Я уже устала тебя звать. Почему ты заставляешь девушку тебя так долго ждать?

Непонятым образом эти простые слова еще больше усилили желание Ли Лианжи. Он вдруг ощутил себя во власти Кидары, и ему это почему-то очень понравилось. Он ответил:

– Значит, мне не показалось, что ты звала? Но как я тебя услышал так далеко, а охрана не услышала?

На что Кидара ответила снисходительно, уткнув свой подбородок в голое плечо:

– Дорогой Дулат, у женщин есть много способов позвать мужчину. Ты еще ничего не знаешь.

Новая, более уверенная и даже властная манера Кидары одновременно и пугала и необычайно манила Ли. Сейчас она казалась совсем взрослой, и ему просто хотелось полностью признать ее власть над собой. Он лег рядом с нею, все еще не веря, что это происходит наяву. Но даже сейчас он не осмеливался прикоснуться к ней. Кидара засмеялась:

– Ну что случилось с великим воином Дулатом? Неужели он боится молодой голой девушки?

С этими словами она сама придвинула его лицо к его лицу, и поцеловала его в губы. Ли ощутил ее аромат совсем близко, и вкус ее губ на своих. Он ответил ей и они слились в долгом страстном поцелуе. Но и тут Ли все еще чувствовал себя скованно, не веря что на него снишло такая удача.

Кидаре и тут пришлось его выручать. Она придвинулась к его телу, и, раздвинув его халат, прижалась к нему своей обнаженной грудью. После этого Ли уже не смог больше сдерживаться и начал жадно ее обнимать и ласкать руками. Под его сильными и чуткими руками струилась ее шелковая кожа, и ему казалось, что каждая частица его тела испытывает наслаждение от прикосновения к ней.

Наконец Кидара откинулась на спину, притянув за собой Ли. Ее губы произнесли шепотом на выдохе лишь одно слово:

– Дулат...

И от этого в его жилах вскипела и без того уже забурлившая кровь. Не помня себя от страсти, Ли овладел Кидарой, которая приняла его без боли и страха, хотя он был ее первым мужчиной. На пике страсти ее шея вытянулась вперед, а губы на запрокинутом назад лице бесшумно хватали воздух. В этот момент, целуя ее нежно пахнущую шею, Ли шептал ей:

– Жалма... Жалма!

Они оба старались сдерживать стоны боясь что их услышит охрана, но их прерывистое дыхание слилось в одно, и, казалось, вся палатка дышала в такт их движениям. Казалось даже сами их тела стремились слиться к одно целое, так тесно они прижались друг к другу.

Вскоре все было окончено. Долго сдерживаемая страсть и взаимное влечение сделали свое дела, и оба быстро достигли вершины наслаждения. После чего замерли по прежнему крепко прижимаясь друг к другу, не решаясь отпустить друг друга.

*****

В это время, не видимая никому в тени снаружи палатки, за ними сквозь щель в ткани бесшумно подсматривала госпожа Эрдэнэчмек. Она сразу догадалась, к чему Кидара затеяла свои притворства и зачем она захотела спасть в отдельной палатке. Поэтому сейчас, в темноте, она понимающе улыбалась своим подтвержденным догадкам.

Но не только о своей женской проницательности думала жена Императора. Увидев два красивых молодых тела, слившихся в столь искренней страсти, пожилая женщина испытывала противоречивые чувства. Она молча отправилась в свою повозку и легла в постель, не переставая думать о том, что занимало ее уже два дня, и чему она сегодня получила доказательства.

С одной стороны, она радовалась за дочь, которой удалось потерять свою девственность с человеком, которые ей по настоящему нравился. Именно поэтому госпожа Эрдэнэчмек

не только не стала противоречить дочери, но и даже помогла ее планам осуществиться. Она хотела, чтобы дочь хоть раз в жизни ощутила, что такое настоящая страсть молодости.

С другой стороны, мать сильно ревновала дочь. Вид крепких, упругих ягодич Лианжи, его мускулистой спины, его сильных рук на теле ее дочери возбудил ее, и навеял ей давние воспоминания. Когда-то, когда она еще жила в Степи, она тоже была молода, и засматривалась на молодого жужанского воина. Он был чем-то похож на Ли – такой же статный и ловкий молодой человек.

Но в отличие от дочери, госпоже Эрдэнэчмек никогда не довелось вкусить его тела, познать истинную страсть в степи. Она была посватана за сына тогдашнего Императора Шын-Жана ее отцом, жужанским Каганом, и выдана замуж на него для укрепления мира между Степью и Империей. Поскольку данный брак был самого высокого статуса и невеста должна была быть девственницей в брачную ночь, Каган предпринял все средства, чтобы его дочь никогда больше не увидела своего возлюбленного.

Потом была мная дорога в Кашкар, во время которой молодая Эрдэнэчмек успела и выплакаться, и отчаяться, и смириться со своей участью. По приезде во дворец Императора она была как замороженная, и просто следовала всем указаниям придворных и евнухов, как во сне.

Эрдэнэчмек поместили в женский дворец, где она могла наблюдать за многими женами императора в его гареме. Ей, свободной дочери степей, было очень тяжело перестраиваться под новый порядок. Во дворце все нужно было делать по расписанию: спать и вставать в определенное время, кушать только в общей столовой, принимать ванну и многое другое. Первое время она все это возненавидела, и заслужила среди шын-жанок репутацию «степной дикарки».

В брачную ночь со сыном Императора Эрдэнэчмек не смогла изобразить страсти, и это наложило отпечаток на всю их оставшуюся совместную жизнь. После этого ее перевели в отдельное крыло, где жили еще немногочисленные жены и наложницы сына Императора, его будущий императорский гарем. И тогда до Эрдэнэчмек наконец стало доходить, что это теперь ее жизнь, и что ничего другого уже не будет.

Конечно, со временем Эрдэнэчмек привыкла к жизни во дворце, и даже научилась любить привилегии, которые давал ей ее статус. По ее прихоти слуги выполняли все ее пожелания, доставляли ей любые угощения. Она даже могла устроить себе свидания с красивыми молодыми парнями. Но ей не хватало настоящей любви, поэтому она прибегала к этому без особого желания, лишь когда нужно было дать выход накопившемуся плотскому напряжению.

Все изменилось, когда у нее появилась дочь. Отец дал ей шын-жанское имя Кидара, но Эрдэнэчмек сама назвала ее жужанским именем Жалма, в честь своей любимой бабушки, по которой она скучала больше всех, и всегда обращалась к ней именно по этому имени. Для нее дочь стала воплощением смысла жизни, и ради нее она была готова на все.

Вскоре умер старый Император, и ее муж стал следующим правителем Империи. Она не смогла родить ему больше детей, и поэтому была отодвинута в сторону более молодыми женами, которые родили господину сыновей. Но Император и сам любил Кидару за ее особенный характер, поэтому за госпожой Эрдэнэчмек сохранился особый почетный статус.

Когда Жалма достаточно подросла, жена Императора решила съездить вместе с нею в Степь, к своим родственникам. По дороге в степи их сопровождал молодой воин Ли Лианжи, тоже рожденный от степнячки. Тогда уже госпожа Эрдэнэчмек поняла, что это не случайно, и не стала отгонять его от дочери, позволив развиться ее любви. Может быть, тайно она мечтала таким образом реализовать свою несбывшуюся мечту о молодом жужанском воине в годы ее молодости.

И вот теперь она чувствовала, что история совершила полный круг, и вещи непостижимым образом встали на свои места. Ее ненаглядная дочь нашла свою любовь на границе Импе-

рии со Степью, и молодые соединились в священном акте. Таким образом как-будто и свершилось то, чего была лишена сама госпожа Эрдэнэчмек.

Но это также означало, что молодые вышли на новый виток судьбы, и жена Императора не знала, что будет дальше, поскольку не имела подобного опыта. Ведь теперь в жизни ее дочери появилась настоящая страсть – то, чего никогда не было у госпожи Эрдэнэчмек. И теперь уже дочь становилась молодой женщиной, и мать начинала ее ревновать и завидовать ей.

Жена Императора, она прекрасно понимала, что что молодым невозможно будет соединиться официально, ведь у Кидары уже есть несколько потенциальных женихов королевских кровей. Но не это смущало жену Императора, ведь она прекрасно знала, что замужество никогда не было препятствием для любовной жизни ни знатных мужчин, ни их жен.

Ее больше всего угнетало то, что дальше уже ситуация выходила из-под ее контроля, и этого сердце женщины сжималось от страха и отчаяния. Тем не менее, она нашла в себе силы помолиться за дочь и ее благополучие и пожелать ей счастья.

*****

В это время Ли Лианжи и Кидара все еще не могли оторваться друг от друга. После первого страстного и быстрого слияния, они через некоторое время занялись любовью опять, на этот раз уже более нежно и продолжительно, стараясь как следует насладиться друг другом. В самый главный момент обоим показалось, что они совершенно спеклись в единое целое в своей страсти, и лишь после этого пика снова разделились на двух разных существ.

Время летело очень быстро, когда молодые снова и снова стискивали друг друга в объятиях. Когда они любили друг друга уже в пятый раз, снаружи на востоке стала виднеться неясная серая полоска. Наконец-то Кидара устала и захотела спать. Ли Лианжи ощущал себя как выжатый лимон, ему казалось что в его теле не осталось ни капли влаги, и он не может пошевелить даже пальцами на руках. Но при этом он все еще хотел Кидару, и чувствовал, что никогда не сможет до конца утолить свою жажду. Он просто обессилено расцеловывал ее прекрасное тело, когда она забылась во сне.

С большим трудом Ли нашел в себе силы одеться и выскользнуть из ее палатки. После влажного помещения, наполненного запахами плотской любви, в лицо ударил свежий прохладный утренний воздух. Ему удалось незаметно проникнуть в свою палатку, и упасть в постель. Он заснул так крепко, как не спал еще никогда в жизни, даже после самых изнурительных занятий и марш-бросков.

*****

С того времени военная карьера Ли пошла в гору. Работая и на Начальника гарнизона Дихуа, и на Начальника разведки, он успевал угодить обоим, и успешно выполнял их задания. За это время ему пришлось пережить немало, и приобрести настоящий боевой опыт. Когда Шын-Жаню удавалось в очередной раз стравить жужаней и дулу, Ли посылали к одной из сторон как военного советника, а на самом деле имперского шпиона.

В этих миссиях он смог лично убедиться в невероятной силе и скорости конницы кочевников, способной покрывать огромные расстояния в кратчайшие сроки, и нападать на врагов там, где ее не ждали, нанося сокрушительные удары. При этом в степи конница одного племени противостояла такой же маневренной и сильной коннице другого племени. А что было бы, если бы вся эта конница напала на оседлое и в основном безлошадное население Шын-Жана?

В такие моменты Ли вспоминал одну картину. Однажды в загон для овец гарнизона пробрались волки. За те несколько минут, пока подросла прислуга, они успели загрызть более

ста овец. Слуги не решились лезть в загон, пока не прибежали воины во главе с Лианжи. Когда воины пепепрыгнули через ограду, то их взору предстало ужасное зрелище.

По всему пространству загона лежали трупы овец с окровавленными глотками. Идя по их телам в сторону волков, Ли Лианжи видел, что те настолько опьянены убийством и кровью, что не убежали из загона, даже увидев вооруженных людей, идущих на них. Ли видел как жадно волки продолжают грызть глотки овец одну за другой, кося своими бешеными глазами на приближающихся воинов. И лишь когда до волков оставалось несколько шагов, те смогли оторваться от резни и убежали в степь. Из всего стада гарнизона выжили лишь несколько овец.

Для Ли это происшествие было совершенно однозначно символичным. Волки всегда ассоциировались у оседлых шын-жанцев с кочевниками. И те, и другие жили стаями, переходили с места на место, нападали на земледельцев, и любили баранину. И те и другие были сильнее, выносливее, и хитрее, чем шын-жанцы. И те и другие несли с собой ужас, разрушения и смерть. И те и другие, если им позволить, не могли насытиться кровью.

Видя, как кочевые армии орудуют в степи, Ли Лианжи ни на секунду не сомневался, что если они соберут достаточно большую армию и нападут на Шын-Жан, то они поведут себя точно так же, как волки в загоне овец. С той лишь разницей, что даже армия Шын-Жана не сможет их остановить, поэтому мало кому удастся выжить на их пути.

Такое глубокое понимание образа жизни, характера, и военной силы кочевников помогли Лианжи быстро подняться в рангах. Вскоре он уже командовал тремя крепостями на северной границе, и все начальники их гарнизонов, и даже начальники разведки подчинялись ему.

А когда произошла смена поколения, и во многих крепостях севера на службу пришли новые начальники гарнизонов и офицеры, Ли Лианжи, как самый опытный, несмотря на молодость, был произведен в Генералы Северного округа, и теперь отвечал за всю границу со Степью. Его ставкой была ставшей его домом крепость Дихуа.

Все это время Генерал Ли Лианжи, конечно, на забывал о Кидаре. С момента первого плотского сближения они встречались еще несколько раз и в Степи, и в Кашгаре, и почти всегда им удавалось найти возможность любить друг друга, или хотя бы поцеловаться в объятиях. При этом их взаимная страсть, не получая частого удовлетворения, оставалась неизменно высокой каждый раз.

Так прошло несколько лет. Конечно, они не могли сохранить друг другу верность надолго. Кидара вернулась в свой дворец в Кашгаре, где ее ждали самые красивые парни Империи и новые соблазны и интриги гарема, в которых никто не говорил вслух, и которым она не раз поддавалась. Но она быстро поняла, что никто из ее столичных любовников не мог заменить для нее Лианжи.

Да и сам Ли тоже не мог удерживаться от этой стороны солдатской жизни. В самом гарнизоне жили три офицерские наложницы, к которым можно было попасть, имея офицерский статус. А в соседней с гарнизоном деревне жили несколько вдов, для которых ублажение солдат было одним из главных источников доходов к существованию.

Однажды, во время очередного отпуска, родители Ли Лианжи поджидали его с новостью. Оказывается, они нашли ему невесту – девушку из приличной и обеспеченной семьи. Она была примерной шын-жанской невестой – вся гладкая и аккуратная, с прекрасным воспитанием и всеми навыками, полагающимися дочери уважаемых родителей.

Вскоре сыграли свадьбу. В течение первых же лет жена родила ему троих сыновей. Она помогала родителям содержать их дом в чистоте, взяла на себя управление слугами и навела порядок в хозяйстве. При этом сама следила за собой, стараясь выглядеть как можно лучше, несмотря на то, что не раз уже рожала детей. О лучшей жене невозможно было и мечтать.

Но Ли знал, что он ее не любит, и никогда не сможет полюбить. После того, что было у него с Кидарой, ни одна другая женщина не могла претендовать на его сердце. Хоть он и был

к жене добр и внимателен, но он никогда не мог забыть запаха степной полыни, который у него навсегда ассоциировался с образом Жалмы, и который, казался, пропитал его самого насквозь.

Зерно раздора в почве разложения

Обо всем этом вспомнил Ли Лианжи при виде Кидары во дворце Императора в тот вечер. Но сегодня она ничем не выдала свою радость от его прибытия, и ее скуластое лицо осталось, как всегда, серьезным и спокойным. Выращенная во дворце, она никогда не позволяла себе вести себя в Кашгаре так, как могла вести себя в Степи. И лишь один Лианжи знал о ее другой, дикой, степной стороне, не стесненной придворными условностями.

С годами страсть Ли к Кидаре стала более спокойной и ровной, но не менее глубокой. К этому времени он уже знал толк в женщинах по обе стороны границы. Шын-жанские красавицы славились по всему миру, благодаря их уточненной красоте, отточенным манерам, и владению многими высокими искусствами. Они могли одинаково изящно ухаживать за гостями за столом, играть на музыкальных инструментах, петь и читать стихи, и даже рисовать тушью на рисовой бумаге. Но для Лианжи они казались слишком нежными и слабыми, кроме того, он знал что их красота быстро увядает с годами.

В Степи тоже встречались настоящие красавицы. Во время своих поездок по степи Лианжи завел много знакомых как среди дулу, где его признавали за своего из-за его происхождения, так и среди жужаней, где его любили за знание жужанского языка и обычаев. В некоторых аулах⁷ и куренях⁸ его даже встречали с почетом и ставили ему гостевую юрту⁹ или гер¹⁰, а по ночам в его постель часто укладывали молодых девушек между месячными, что было особой честью. Ведь по обычаю кочевников, так поступали только с важными людьми, чтобы девушки беременели от их семени и рожали особо одаренных детей.

Конечно, степные девушки отличались от шын-жанок и своей физической силой, и своим темпераментом в постели, и своей непосредственностью, и своим свободолюбивым характером. Но по сравнению с Кидарой им не хватало образованности и той эlegantности, которыми обладали городские женщины.

В Кидаре же как будто воплотились все лучшие свойства степных и шын-жанских женщин. Будучи в Степи, она могла скакать на коне, стрелять из лука, открыто смеяться и улыбаться, и с видимым удовольствием вела себя свободно и непринужденно со всеми окружающими. Но она также была украшением любой изысканной компании в Кашгаре, не уступая красотой, одеждами и манерами лучшим столичным красавицам, а умом и образованностью равная даже мужчинам.

Поэтому, зная и ее, и себя, Генерал раз и навсегда решил, что в его сердце больше не будет ни одной женщины. Зачем пытаться заполнить душевную пустоту, если знаешь, что есть такая женщина, как Кидара? И пуская она никогда не будет его – само ее существование наполняет его жизнь смыслом. Иногда ему действительно казалось, что во всей вселенной есть только он и она.

Сама Кидара также ценила своего тайного друга. Конечно, для нее он был выходцем из, хоть и уважаемых, но нижних сословий, и поэтому она не могла даже рассматривать его как возможного будущего мужа. Будучи дочерью Императора, она рано поняла, что в ее кругах браки по зову сердца – это большая редкость, и смирилась с этим.

К тому же, во многих богатых семьях существовали тайные любовные интриги, за счет чего люди из высоких сословий пытались дать выход своим чувствам и страсти. Поэтому

---

⁷ Аул – кочевая деревня дулу, состоящая из нескольких юрт и их хозяйств.

⁸ То же самое у жужаней.

⁹ Кочевой дом дулу в виде перевернутой чаши, состоящий из деревянного каркаса и обтянутый снаружи полотнами войлока.

¹⁰ То же самое у жужаней. Отличалась лишь устройством каркаса.

Кидаре было очень приятно, что в Империи есть один особенный человек, который ради нее готов на все, что угодно. В моменты, когда ей было плохо или грустно, она часто звала его на расстоянии, как тогда на ночевке в степи. И Ли всегда чувствовал ее зов, и отвечал ей своим, как мог, что всегда придавало ей силы.

Ли стал еще ближе ей, когда госпожа Эрдэнэчмек покинула этот мир из-за неизлечимой болезни. Самый близкий и родной человек в детстве, мать после второй поездки в Степь заметно отдалилась от дочери, так и не справившись со своей ревностью к дочери. Но даже при этом она оставалась самым близким человеком в окружении Кидары в Кашкаре. К тому же, мать была самым главным, что связывало Кидару со Степью.

После смерти госпожи Эрдэнэчмек, такой связью остался только Ли Лианжи. Он теперь остался как будто единственной ее семьей за пределами ее жизни при дворе. Стареющий отец-Император всегда любил Кидару больше всех остальных дочерей, но он никогда ее по-настоящему не понимал. Поэтому единственным человеком во всем мире, который мог по-настоящему понять и принять ее двойственную натуру, был только ее Дулат.

Так она и воспринимала его, как надежного друга, любимого старшего брата, и своего редкого, но самого желанного любовника. Она просто хотела, чтобы все оставалось также как и было, чтобы он всегда был где-то на севере, на расстоянии нескольких дневных переходов, и иногда они бы встречались в Кашкаре. И все-же, она сильно заревновала, когда узнала, что Лианжи женился и обзавелся детьми. Часть ее всегда хотела быть с ним, и подарить ему детей.

И вот теперь они, в который раз, стояли в нескольких атымах друг от друга, и не могли даже видом подать, что соскучились и рады друг друга видеть. Ведь если бы об этом узнали во дворе, Ли Лианжи бы вряд ли удалось сохранить свою жизнь.

*****

Наконец, слуги сообщили о прибытии Канишья Кадфиза. Он вошел в зал в сопровождении своей свиты, ступая своей знаменитой властной походкой, в своем истинно кушанском богатстве и великолепии, которое могло поспорить с богатством самого Императора. Его лицо сластолюбца не могло скрыть презрения, которое он, казалось, испытывал ко всем Кашкаре. Приблизившись к возвышению, на котором сидел Император, он, с трудом преборов себя, поклонился.

– Желаю сто лет правления отцу-Императору, и тысячи лет Империи Шиньжань!

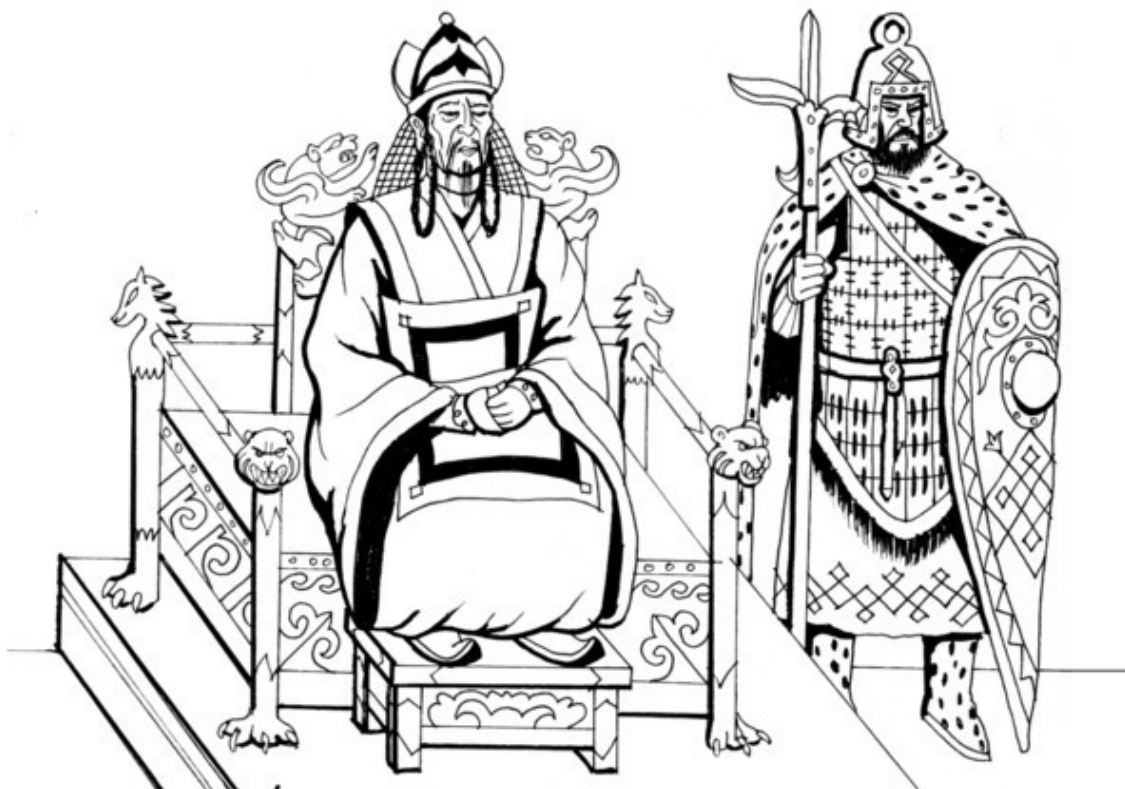
Император вежливо ответил на приветствие:

– Желаем здоровья и богатства нашему сыну, царю Кушана!

После обмена приветствиями, царь Канишья приказал внести дары. Бесконечными очередями прибывали товары: пряности, благовония, драгоценные камни, слоновая кость, сахар, а также знаменитые яркие кушанские ткани. Во вторую очередь внесли оружие и доспехи, в том числе и драгоценные и редкие в Шын-Жане кольчуги из далекой Персии, и украшенные камнями и золотом персидские семсеры¹¹. Под конец владыка кушан пригнал во двор двадцать отборных рабов-юношей и столько же прекрасных девственниц.

---

¹¹ Семсер – персидская изогнутая сабля с крестообразной гардой.

После торжественной встречи, по обычаю, прибывшим гостям погалалось отдохнуть до ужина, во время которого встречались уже в малом составе и менее официально в одном из малых залов дворца. Император опять пригласил Ли Лианжи и свою дочь на встречу, так что ему опять не удалось переодеться. Канишья Кадфиз вел себя все также неприязненно, как и днем. При нем находились два его визиря и известный кушанский генерал по имени Ксандеш. Насколько понял Ли Лианжи, предстоял разговор о тарифах на торговлю, а также о совместных военных действиях против Таньской империи и кочевников.

Разговор начался с обычных вопросов о состоянии торговли, урожаях, скоте и прочих важных вопросах. Впрочем, этот ритуал служил больше для проверки правдивости собеседника, поскольку оба правителя имели своих разведчиков и уведомителей в обеих странах, и прекрасно знали, как идут дела у соседа. Царь кушанов вскоре перешел к вопросу, который, судя по всему, волновал его больше всего.

– Величайший Император, я нижайше прошу вас рассмотреть еще раз вопрос о снижении тарифов на наши пряности. Мои купцы стонут под непомерными поборами ваших таможенников, их прибыль не покрывает расходов по добыче и доставке товара на ваши рынки.

На что Император отвечал, с некоторым удивлением и досадой:

– На уважаемый сын, мы ведь уже говорили об этом в прошлом году, и с тех пор мы понизили тарифы на 5 процентов, о чем же сейчас речь?

Но царь Канишья упрямо клонил свою линию и требовал снижения тарифов. Император был сбит с толку его неожиданной неуступчивостью и никак не мог взять верх в разговоре. Постепенно голоса двух спорящих правителей перешли на повышенные тона, и они перешли к открытым обвинениям. Царь Канишья совершенно непочтительно упрекал Императора:

– Мои подданные в поте лица добывают специи, затем с риском для жизни доставляют их вашим подданным. А вы вместо того, чтобы ценить наш товар, налагаете на него неоправданно высокие тарифы, и подрываете наши торговые отношения!

На что Император, обзлившись на упрямость и наглость своего вассала, отвечал:

– Тарифы уже были снижены по вашей просьбе! Ваши купцы торгуют на наших рынках и получают огромную прибыль в наших землях. Мы не можем просто позволить вам приходить и вывозить всю прибыль, без отчислений в нашу казну. Я не понимаю, почему мы ведем этот разговор, ведь тарифы – это основа торговли между странами и люди делали так тысячи лет!

Разговор шел в таком духе, и обстановка накалялась. Оба правителя не хотели уступать. Но у Ли Лианжи возникло смутное подозрение при виде поведения царя Канишья. Слишком уж упорно и эмоционально он настаивал на снижении тарифов, хотя его требования были неразумными и чрезмерными. Создавалось ощущение, что он пытался поспорить с Императором под этим предлогом.

Споря таким образом, Император и Царь уже совсем вышли из себя, и в ярости обсыпали друг друга упреками и даже оскорблениями. В конце концов, царь Канишья вскочил на ноги и прокричал с угрозой в голосе:

– Мы ваши вассалы, но мы не можем терпеть отношения, при которых наши интересы не учитываются. На какую нашу верность вы рассчитываете, если вы грабите нас среди белого дня! Я больше ногой не ступлю в ваш дворец! Я буду в своей ставке к западу от Кашкара, если вы образумитесь.

С этими словами Канишья Кадфиз в сопровождении своей свиты стремительно вышел из зала и покинул дворец. Они вскочили на своих коней и поскакали в сторону городских ворот. Император был так ошарашен неожиданным и непонятным поведением гостя, что не отдал даже приказа остановить наглеца.

Тогда Генерал Ли Лианжи не выдержал, и попросил слова у Императора:

– Мой Господин, царь Канишья вел себя совершенно неподобающим образом и должен быть задержан! Разрешите мне взять воинов из гарнизона и отправиться наперерез ему. Он поедет к своему лагерю по главной дороге, если мы выступим прямо сейчас и поедем по краткому пути, мы успеем его перехватить. Если мы не схватим его по дороге, то в лагере у него достаточно воинов, чтобы оказать нам сопротивление.

Но Император вдруг заколебался, несмотря на свой гнев. Он хотел сперва рассудить, почему так резко повел себя давний вассал Империи.

Гнилая ягода в нефритовой чаше

Генерал Ли Лианжи все-таки попросил Начальника Императорской стражи, туглуга¹² по имени Кучлук на всякий привести в готовность воинов гарнизона. Но не успел Кучлук отослать посыльных с приказом, как в зал ворвался Начальник Караула. Он был сильно испуган и прокричал, забыв обратиться к присутствующим по правилам:

– В город ворвались кушанцы!

Все присутствующие побежали к окнам. Из дворца было видно, что большая группа людей двигается от ворот по направлению к дворцу. Со всех сторон к ним бежали маленькие разрозненные группы Кашкарских полицейских и стражей, но группа вторженцев, действуя слажено и целеустремленно, легко сметала их с пути.

Генерал Ли Лианжи быстро оглядел присутствующих. На их лицах была полная растерянность и страх. Даже Начальник стражи был в панике и не знал что делать. Генерал понял, то кто-то должен был взять ситуацию в руки. Схватив Кучлука и встряхнув его, он отдал приказ твердым тоном:

– Срочно спасай Императора! Я займусь охраной дворца! Начальник караула, за мной!

С этими словами Ли Лианжи выбежал из зала. Он бегом направился в комнату охраны, в сопровождении растерянного Начальника караула. По пути он успел спросить, сколько охраны в дворце. Оказалось, что в данный момент быстро удастся собрать не более двухсот человек. Ли Лианжи приказал трубить тревогу и собрать всех воинов у входа во дворец Императора. Тем временем нужно было срочно запереть главные дворцовые ворота.

Дворец был обнесен отдельной стеной и имел большой внутренний дворик. На этом дворике Ли Лианжи начал сборы всех имеющихся воинов. Набралось не более ста человек, но воины продолжали прибывать из всех концов дворца. В это время нападающие уже достигли дворца со стороны города, и начали спешно ломать ворота. Защитники дворца уперлись в ворота с внутренней стороны, пытаясь сохранить их целыми как можно дольше.

Но удары с той стороны были слишком сильными. Ли Лианжи наблюдал за всем происходящим из возвышенного портика дворца, и видел что снаружи собралось не менее двух-трех сотен захватчиков. Еще несколько сотен двигались ко дворцу со стороны главных городских ворот. Это был уже настоящий захват города.

К сожалению, Кашкар совершенно не был готов к такой обороне. Поскольку внутри Империи все было спокойно, Императору не было смысла держать большой гарнизон в самой столице. Вся активная армия была разослана по гарнизонам на границе Империи, а для того, чтобы поднять столичные резервы из казарм, требовалось бы несколько дней.

Наконец, ворота дворца не выдержали и развалились. В проход ринулись вражеские воины. Ли Лианжи успел рассмотреть их тяжелое вооружение копьями и боевыми топорами, и полные доспехи. Атакующие были настоящими солдатами-штурмовиками! Им противостояли средне-вооруженные защитники дворца с легкими пиками и мечами. Ли Лианжи успел только крикнуть своим:

– Вперед на врага! Держите ворота! Не пропускать кушанов к Императору!

Далее началась свалка и больше его уже никто не мог слышать. В тесном пространстве двора сцепились в смертельной битве несколько сотен бойцов. Ли Лианжи понимал, что чем уже и ближе к воротам сдерживать врага, тем меньше вражеских воинов будет противостоять защитникам дворца – как вода в бутылочном горлышке. Но если врагам удастся оттеснить защитников от ворот, то они смогут построиться шире и тогда их численное превосходство

---

¹² Туглуги – предки древних уйгуров

начнет давать им преимущество. Поэтому он бегал позади своих воинов и заставлял их давить в сторону ворот.

Поначалу защитникам удалось сдержать нападающих. Но тяжелое вооружение захватчиков давало им значительное превосходство даже в стесненных обстоятельствах. Их длинные тяжелые копья легко пробивали средние доспехи защитников, в то время как тяжелые доспехи нападающих хорошо защищали их от легких пик императорских воинов. Очень быстро мостовая возле ворот начала заполняться трупами и телами раненных защитников.

Постепенно кушаны начали теснить шын-жанцев. Все новые отряды вражеских воинов вливались в ворота и вступали в бой с защитниками. Теперь они уже могли выстроиться в ряд и по-настоящему начали теснить шын-жанцев. Ли Лианжи послал Начальника Караула в самое пекло битвы, чтобы он личным примером помогал своим воинам отражать врага. Увидел своего начальника рядом, воины издали воинственный крик и ударили по кушанцам. Теперь уже с их стороны начали падать убитые и раненные, особенно там, где умело орудовал своим батасом¹³ Начальник караула.

Но вскоре контратака защитников выдохлась. Начальник караула была ранен в нескольких местах, и терял силы, истекая кровью. Вскоре удачный удар вражеского копья поверг его на землю. Кушанцы увидели, что вражеский командир повержен, и в свою очередь издали победный крик и усилили напор на шын-жанцев. шын-жанцы же, потеряв командира, начали терять дух. Еще немного и они могли бы запаниковать и бросится в бегство.

---

¹³ Кривая сабля с двуххатымовой рукояткой, больше похожая на копьё с изогнутым лезвием. Была распространена у степных народов.

Увидев это, Ли Лианжи сам бросился в бой. Протолкавшись между своими воинами, он направился к месту падения Начальника Караула. Подобрал его батас, он бросился на врагов и с ходу поразил двоих пехотинцев в их незащищенные шеи. Видя что с ними сам Генерал и в руках его оружие их командира, воспряли духом защитники, и подбадривая друг друга криками, тоже навалились на врагов. И снова вокруг стали падать раненные и убитые кушанцы.

Был уже вечер. Неизвестно, сколько бы еще смог удерживать нападающих Ли Лианжи и защитники дворца. Но в этот момент со стороны кушанцев прибыл отряд лучников. Забравшись на стены дворца с внешней стороны, они начали практически в упор расстреливать шынжанцев, сами находясь в безопасности на высоте за спинами своих пехотинцев. Стреляли неспеша, как по мишеням, и почти каждая стрела находила цель. Подбодренные таким подкреплением, пехотинцы ударили с новой силой и оттеснили защитников от ворот.

Вскоре большинство защитников были ранены стрелами, многие убиты. Их добивали копьями и топорами кушанцы. Вокруг Ли Лианжи осталась лишь небольшая группа оставшихся воинов. На самом Генерале доспехи были изрублены и утыканы обломками стрел. К счастью, его доспехи были изготовлены лучшими жужанскими мастерами – подарок степняков, и предназначались специально для защиты от стрел, поэтому ни одна вражеская стрела, выпущенная из более слабых кушанских луков, не смогла проникнуть достаточно глубоко.

Вдруг за спинами нападающих показался их командир. Он был молод, высок и красив в своих идеально подогнанных посеребренных доспехах. В руках он держал большой и тяжелый гуньдао¹⁴. Он дал команду своим лучникам не стрелять в Ли. Теперь, когда враг был почти уничтожен, он хотел лично прикончить знаменитого шынжанского генерала. Лучники дали еще пару залпов, и через несколько мгновений Ли Лианжи остался единственным шынжанцем стоящим на ногах. Все кушанцы остановились, окружив Генерала кольцом.

Тогда вперед вышел командир захватчиков и опустил к земле свой гуньдао. Это был вызов к поединку. Ли Лианжи спокойно отдышался, прежде чем принимать бой. Теперь ничто не могло спасти его от смерти, поэтому спешить было некуда. Он сбросил тяжелый доспех, поскольку его вес и торчащие обломки стрел мешали бы ему сражаться. Все равно ему предстояло погибнуть. Наконец, Ли Лианжи поднял свой батас и встал в стойку.

Кушанский командир атаковал стремительно. Он был свеж и молод, и в тяжелых доспехах двигался так же быстро, как уставший Генерал без доспехов. Ли Лианжи еле успевал отбиваться от его ударов своим батасом. Отблески факелов играли на чешуйках брони и шлеме кушанца, отвлекая Ли Лианжи.

Но у молодых воинов всегда была одна ошибка, которой и старался воспользоваться Ли. Спеша закончить поединок быстро и красиво, они всегда стараются убить каждым своим ударом, и метят в голову и тело, а такие удары было легко отбить опытному воину. Генерал же вместо больших ударов старался нанести множество маленьких хитрых ударов, метя в руки и ноги противника.

К тому же у Ли Лианжи было еще одно преимущество. Тяжелый гуньдао кушанца был удобным для сильных рубящих ударов, но им было трудно орудовать долгое время. В то время как более легким батасом можно было сражаться сколько угодно, и успевать наносить два удара в ответ на один. Это было оружие кочевников: лезвие тоньше чем у гуньдао, зато длинее и уже, и с кривизной. Таким легко и колоть, и резать, и рубить. Тем более, что Генерал за многие годы службы привык к оружию кочевников.

Через несколько мгновений противники отскочили друг от друга чтобы перевести дух. Ли Лианжи все еще был без ранений, в то время как его противник уже обагрился кровью в нескольких местах на руках и ногах. В пылу схватки он не заметил ранений, но теперь, быстро оглядев себя и Ли Лианжи, он пришел в ярость. И бросился на Генерала с удвоенной силой. Генерал понял, что долго ему не устоять, несмотря на все хитрости. Молодой противник был очень хорошим воином.

Но у Ли Лианжи оставалась еще одна хитрость в запасе. Когда он был молодым воином, он долгое время тренировался в Стиле Журавля. Это искусство позволяло воину прыгать на недостижимую для обычного воина высоту и длину. Пользуясь тем, что он был без тяже-

---

¹⁴ Кушанский аналог батаса, имеющий короткое широкое изогнутое лезвие.

лых доспехов, Генерал мог попытаться запрыгнуть на стену и убежать, таким образом избежав неминуемой гибели.

Сделав пару обманных движений и выпадов и заставив кушанца отпрянуть, Ли Лианжи совершил несколько длинных прыжков в противоположную сторону, в мгновение покрыв расстояние до боковой стены, и мощным высоким прыжком взлетел на ее гребень. Лучники кушанов мгновенно вскинули свои луки, но их командир поднял руку, запретив стрелять.

Вместо этого, к удивлению и ужасу Генерала, кушанец повторил его прыжки и тоже оказался на гребне стены рядом с ним, выставив свое оружие. Видимо, он тоже был студентом Стиля Журавля. Но при этом, даже в тяжелых доспехах он двигался проворно и прыгал не хуже Генерала. Стало ясно, что быстро от него не избавиться.

Дальнейшая битва между двумя мастерами проходила на высоте. Генерал перепрыгнул со стены на крыши ближайших домов, а оттуда на крыши других домов. За ним неотступно прыгал его молодой преследователь. Казалось, что он просто летает с высоты на высоту, его гуньдао легко звенел на воздухе от скорости. Ли Лианжи еле успевал отпрыгивать и на лету отбивать его удары.

В отчаянии Генерал Ли Лианжи подумал про себя: «Я становлюсь стар для этого!». Эта мысль рассмешила его, и это придало силы и отрезвило разум. Все было не так уж и плохо. Летая по городу как два журавля, оба поединщика давно выбрались за пределы дворца, и лучники больше не могли достать Ли. К его счастью, молодой противник поддался горячке погони, и вышел из-под защиты своих воинов, а это было большой ошибкой. Оставалось только суметь воспользоваться этим.

Принимать бой в городе было опасно. С высоты Генерал успел разглядеть, что в город входят все новые войска. Если пытаться биться с кушанским командиром в городе, то можно попасть в окружение. В какой-то момент с крыши высокой пагоды мельком увидел множество огней в темноте за городскими стенами. Он подумал: «Неужели Канишья смог тайно привести за собой целую армию? Как удалось армии подойти к самому Кашкар незамеченным?». Но сейчас не было времени об этом думать.

Генерал решил постараться выбраться за пределы города. С его восточной части, за городской стеной была небольшая бамбуковая роща. Если суметь добраться туда, то Генерал смог бы как-то выкрутиться из положения, не опасаясь что к его врагу придет подкрепление. Ли Лианжи направился туда. Вот он достиг городской стены и запрыгнул на нее. На всякий случай оглянулся назад: «вдруг отстал?». Но нет, молодой преследователь преследовал его упорно, как волк. Такой не отстанет, пока либо не убьет, либо не умрет сам.

Еще несколько прыжков, и Ли оказался в бамбуковой роще. Здесь было влажно и прохладно, можно было прятаться за стволами. Теперь можно было не спешить. По треску веток он понял, что его противник тоже проник в рощу. Собственное тяжелое дыхание мешало ему услышать звуки шагов врага. С другой стороны, тот ведь тоже запыхался – хоть и молодой, но ведь он прыгал в тяжелых доспехах, значит они наравне.

Наконец оба отдышались и в темноте пошли на звук шагов друг друга. Вот они подошли почти вплотную, и, наконец разглядев друг друга, снова ринулись в бой. Ли Лианжи заметил, что удары кушанца уже не были столь могучими, как вначале. Видно было, что он израсходовал свою энергию на прыжки. Сам Генерал был изможден еще больше, но благодаря боевому опыту, он умел двигаться и воевать, преодолевая свою усталость, за пределами своих нормальных возможностей, экономя каждое движение и рассчитывая каждый вздох. Умеет ли также действовать его молодой противник?

Кушанец все еще пытался поразить его в голову или грудь. Генерал успевал отбивать его удары, сам при этом метя лишь в его конечности, таким образом выдерживая расстояние, и сам находясь вне зоны поражения. Подловив момент, он подсек кушанцу запястье и тут же воткнул острие батаса в незащищенную поножами икру. Это была первая серьезная рана, которую он

сумел нанести противнику. Тот как будто протрезвел, впервые поняв, что сейчас идет битва на смерть.

Он нанес еще несколько прямых ударов, но Ли Лианжи увернулся, успев нанести несколько коротких порезов противнику. Он даже в темноте чувствовал, что перерезал как минимум одну артерию кушанца. Теперь он и так истечет кровью. Словно в подтверждение, он услышал, как скользят ноги противника по земле – по видимому от собственной крови. Как будто что-то сломалось у кушанца внутри.

Наконец молодой командир кушанцев бессильно опустил руки и выронил свое оружие. В это время в городе вспыхнул большой пожар – кушанцы захватили город, и началось его разграбление. В его отблесках противники хорошо видели друг друга. Глядя прямо в глаза молодому врагу, Генерал сделал легкий скользящий подшаг, и мощным движением, в который он вложил, наконец, так долго сохраняемую силу, нанес последний удар. Этот удар пришелся точно на шею кушанца, слегка наискось, и начисто срубил голову, срезав позвонок, как ствол бамбука. Голова упала к ногам кушанца, следом и тело грузно повалилось вперед, как падает мешок с кушанскими специями. Вокруг сразу образовалась большая лужа темной крови, которая быстро впиталась в землю.

Это был прекрасный, красивейший удар, такой, о котором слагают легенды. К сожалению, вокруг не было свидетелей, и у самого Генерала Ли Лианжи уже не было сил им наслаждаться. Совершенно обессиленный и изнемогший, он упал рядом с телом своего противника. Ему показалось, что он умирает, настолько далеко он толкнул сам себя за пределы своих сил. Последней его мыслью была радость от того, что проиграв все на свете, он все-таки выиграл свой последний бой.

Побег винограда вьется наружу

На следующее утро Генерал Ли Линжи пришел в себя в бамбуковой роще. Открыв глаза он долго лежал в полусознательно состоянии, не понимая где он и что происходит. Потом вдруг разом все вспомнил и окончательно очнулся. Попытался сесть и упал на спину, застонав от боли. Все тело болело так, как будто был отбит каждая мышца и косточка. Он замер, пытаясь придти в себя и сообразить, что делать дальше.

Потом осторожно, с трудом поводя болящей шеей, огляделся и увидел обезглавленный труп кушанского командира. Значит, все случилось на самом деле. Осмотревшись еще, увидел рядом свой батас, покрытый почерневшей уже кровью. Подтянув его к себе и опираясь на него, Генерал смог потихоньку подняться.

Слегка размявшись и разогнав кровь по телу, Ли Лианжи понял, что сможет идти. Огляделся вокруг. Со стороны города поднимался дым. Было ясно, что он захвачен. Наверное, все защитники погибли или попали в плен. Император, весь его двор, его семья. И даже красавица Кидара, любимая дочь Императора. Ли Лианжи прикрыл глаза на мгновение, и вспомнив ее красоту, тихо замычал от горя. Никогда больше он не сможет насладиться ее обществом.

Зачем ему тогда жить? В городе осталась семья, может быть они даже выжили. Но как пробраться туда? Ведь там теперь на каждом шагу сотни и тысячи кушанских захватчиков. Даже если удастся пробраться к ним, что будет если об этом узнают кушанцы? Вся семья тогда окажется под угрозой. Нужно убраться подальше от города, хотя бы на время, пока он не сможет обмыслить что произошло и что делать дальше.

С такими мыслями Ли Лианжи выступил в дорогу. Предварительно он обшарил труп кушанца, и выгреб все что было ценного. Теперь ему как никогда понадобятся деньги. Доспехи и оружие пришлось бросить – зачем они ему сейчас? Сейчас лучше притвориться обычным гражданином, таких после окончания военных действий трогают меньше, чем солдат. При себе оставил только простой жужанский нож, который с детства носил при себе. Хорошо что он не успел переодеться с дороги, и сейчас его простая рубаша и штаны, заправленные в жужанские кожаные сапоги, окажутся лучшей маскировкой. Без доспехов и оружия он вполне мог сойти за приличного, но не слишком знатного горожанина.

Не зная куда идти, он выбрал путь на север, в сторону Дихуа. Видимо в глубине была надежда, что он как-то сможет достичь своего военного округа, и может быть там окажутся еще его старые сослуживцы. А там уже будет виднее, что делать дальше.

Так он продолжал идти целый день, не останавливаясь нигде на отдых, стараясь убраться как можно дальше от Кашкара. После нескольких часов ходьбы тело так разогрелось, что боль временно отступила, зато пришел голод. Наконец, увидев вдалеке какую-то деревню, решил попытаться заночевать там. По его расчетам, это была деревня Аксу, значит он уже довольно далеко ушел от столицы. Если он прав, то в Аксу живут верные Императору котанцы. Можно будет попытаться выменять у них еды и может быть даже раздобыть коня.

Войдя в деревню, Ли Лианжи стал искать дом аксакала-ажа¹⁵. Собаки подняли лай, кто-то обеспокоенно спросил, кто он такой и что ему нужно. В конце концов несколько мужчин вышли с пиками и топорами, и взяв Генерала под стражу, отвели к аксакалу, старому, но еще довольно крепкому человеку. Тихо проникнуть не удалось, но хотя бы сразу не убили. В доме Аксакала Генерал попросил поговорить наедине. Аксакал и его сыновья остались, остальные мужчины вышли во двор.

Сочтя все это хорошим знаком, Ли Лианжи решил не скрывать от Аксакала своего истинного имени. Он сказал, приняв как можно более важный вид:

---

¹⁵ Старейшина деревни

– Уважаемый, перед вами служащий Северного военного округа Империи Шын-Жан, Генерал Ли Лианжи. Именем Императора, приказываю слушать меня и выполнять все мои требования.

После чего замолчал на мгновение, наблюдая за реакцией старца. Но Аксакал не показал видом, что испугался, и продолжал слушать. Генерал объяснил ему, что на столицу вероломно напали кушане, и что он не смог спасти Императора. На что Аксакал ответил нечто такое, что заставило сердце Ли Лианжи забиться от волнения:

– Но мы-то знаем, что Император жив. Он и его отряд прошел через нашу деревню вчера ночью, забрав все запасы еды, которые можно было унести.

Оказалось, что начальник охраны Кучлук успел вывести Императора, всю его семью, а также целый отряд отборной гвардейской конницы из захватываемого города через другие ворота, и теперь шел куда-то на северо-восток. Куда он направлялся, Аксакал не знал. Но это была прекрасная новость, которая давала надежду, что еще не все потеряно.

Чуть помедлив, но не удержавшись, Лианжи спросил у старца, впившись в его лицо глазами:

– А была ли среди спасенных и дочь Императора?

На что аксакал ответил:

– Да, юная госпожа Кидара была при нем.

Тогда Ли Лианжи вздохнул с облегчением, и вновь почувствовал себя живым. Значит, его любимая женщина жива, жив и его господин. А значит, он все еще Генерал Империи. Тогда Лианжи сказал Аксакалу:

– Ажа, вы сообщили мне прекрасную весть. За это я обязательно награжу вас лично и вашу семью, когда Император вернется и вышибет из страны кушанскую гиену! Вы можете в этом не сомневаться. А сейчас я буду спать, но на утро приготовьте мне три коня¹⁶ и провизии.

Сказал он это твердо, но сам был неуверен в своих словах. Сможет ли Император освободить страну? Ведь удар кушанцев был столь коварен и стремителен, что им удалось сразу захватить столицу, а с ней и большую часть страны. На момент захвата все императорские войска были распущены по квартирам, и мобилизовать их теперь было бы невозможно.

---

¹⁶ По жужанскому образцу, всадник брал себе три коня, и ехал на них не останавливаясь целый день, пересеживаясь с одного на другого когда они уставали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.